

авторов К. В. Хвостова. Она отмечала, что в воззрениях византийцев существовало два типа представлений о случайном, т. е. речь шла, с одной стороны, об идеях, непосредственно восходящих к античным понятиям случая как итога совпадения причин, а с другой – о взглядах, включенных в богословские концепции сущности и явления. Такая двойственность, по мнению исследовательницы, отражает, как и многие другие проявления византийской цивилизации, ее гетерогенность. Нам думается, что толстовский «дифференциал» мог бы быть сопоставлен с двумя важными элементами исторического процесса, которые у византийских историков назывались «тихи» и «кайрос».

Другой большой проблемой, сближавшей Григору и Толстого, была проблема соотношения божественного провидения и свободы личности, непознаваемости путей господних и хаотичности человеческих поступков. Видение обоих созвучно идеям «синергии», являвшейся одним из основополагающих элементов византийской картины мира. Исходя из всего вышеизложенного, представляется очевидным факт концептуальной и мировоззренческой близости, которой – естественно, с поправкой на эпоху и культурно-исторический контекст – пронизаны страницы рассмотренных нами произведений. Близость эта обусловлена общей восточно-христианской традицией, тем «геном» родства, который является неотъемлемой составляющей процесса духовного развития наследницы «Второго Рима».

М. В. Бибиков

Институт всеобщей истории РАН,

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва)*

Неизвестный греческий вариант жития Феодосия Печерского

В непосредственной связи с трудом Иакова Неаскитиота (90-е гг. XVIII в. – 1869) «Афониада» находится кодекс, хранящийся на Афоне в рукописном собрании Русского монастыря св. Пантелеимона и обнаруженный в ходе работы осенью 2018 г. Это – Codex Athos Panteleemon. gr.283: в книге содержатся не известные доселе греческие переводы древнерусских литургических и агиографических памятников и другие материалы по русской, сербской, болгарской истории Афона. Кодекс (330x210) содержит 148 листов, и, как следует из колофона, переписан «рукой Иакова Святогорца пресвитера», т. е. известным Иаковом Неаскитиотом. Рукопись содержит греческие тексты «Последования св. Покрову», «Последования прп. Антонию Россу» (т. е. Антонию Печерскому), его «Жития», «Службы Феодосию игумену Печерскому, т. е. Пещеры» и др. На лл.35 об. – 40 об. помещено Житие Феодосия Печерского. Раздел открывает черно-красный орнамент с надписанием киноварью «Преподобного Феодосия». И далее текст леммы: «Житие крат-

це преподобного отца нашего Феодосия – ученика преподобного Антония, игумена Обители Пресческвуи, т.е. Пещерной». С самого начала жизнеописание Феодосия в рассматриваемом памятнике привязано к судьбе Антония Печерского, чьим учеником он был и чей «светоч взошел над Россией», по словам агиографа, сразу после кончины Антония. Начало памятника носит вводный ориентирующий читателя характер и при этом не повторяет ни один из известных текстов ни в древнерусской, ни в греческой традиции. Рождение в Василеве под Киевом, происхождение, рассказ о родителях преподобного, о переселении семьи в Курск – все это кратко описывается в соответствии с Киево-Печерской патериковой традицией. К ней же восходит свидетельство о подвижничестве будущего святого, облекшего свое тело железными веригами, рассказ о непонимании его устремлений собственной матерью, чинившей препятствия аскетическому подвигу. Вместе с тем, в греческом тексте отсутствует сюжет о желании и попытке юного Феодосия отправиться вместе с проходившими мимо паломниками в Святую землю, в Иерусалим. Здесь кратко упомянуто, что мать вернула юношу, отправившегося было в Киев. С другой стороны, эмоционально описана встреча и знакомство Феодосия с Антонием Печерским, ставшим его наставником и учителем на всю жизнь. Он же его посвятил в монастырскую жизнь и благословил на иночество, препоручив священнику Никону постричь двадцатитрехлетнего молодого человека «в святую схиму».

Дальнейшую жизнь Феодосия в обители агиограф подчеркнуто привязывает к определенному историческому моменту – к «правлению («игемонию») Иерослава Киевского – сына Владимира – экскусиаста России». Повествование о беспрестанной борьбе с бесами преподобного близко к аналогичному тексту греческого Афонского Синаксаря Макария Симонопетрского.

Эпизод с матерью Феодосия, пришедшей к Антонию в поисках сына и умолявшей его вернуться домой, на что Феодосий в ответ посоветовал ей постричься в женский монастырь св. Николая, что и случилось — все это изложено в соответствии с древнерусским Житием Феодосия по Успенскому сборнику. Рассказ об уходе преп. Никона соответствует в целом тому же тексту, но с уточнением, что Никон отбыл сначала в монастырь св. Мины вместе с неким болгарским иноком. Здесь же следует сообщение о возведении Антонием Феодосия в священнический сан. В это же время Антоний поставляет игуменом Киево-Печерским Варлаама, а сам удаляется в другую пещеру – так вкратце повторяется киево-печерский сюжет. Повторяет Иаков Неаскитиот и рассказ о трудных условиях жизни печерских иноков: о голоде, стеснении, отсутствии средств и орудий для обработки земли, о нехватки хлеба и дров для огня.

Далее следует сообщение о переводе киевским князем Варлаама в монастырь св. Димитрия в качестве игумена. Тогда печерская братия, насчитывав-

шая двадцать человек, попросила Антония поставить своим игуменом Феодосия. Все это излагается в последовательности Киево-Печерского Жития и Афонского Синаксаря Макария. С ними же в соответствие приведен рассказ о расширении монастыря, о новом строительстве, в частности, Успенского собора, а также о заботах Феодосия по обретению Студийского и Святогорского монастырского устава. Правда, и в Киево-Печерской, и Симонопетрской Макариевской версиях текста речь идет о получении только в Студийского Типикона, тогда как введение афонской редакции св. Саввы обычно связывалось уже с деятельностью Киприана Киевского. В анализируемом же памятнике дело об обретении Студийского устава приписано некоему монаху-студиту в России (в ПВЛ названо его имя – Михаил), пришедшему сюда вместе с митрополитом Георгием из Константинополя. Этот устав и распространился по обителям страны.

В греческом Житии подробно излагается эпизод с приказом Феодосия закрыть ворота монастыря после трапезы вплоть до вечерни, так что даже князь Изяслав не смог пройти к преподобному в неурочный час, нарушая его уединение. Весь этот пассаж изложен по-гречески в соответствии с текстом Жития в Успенском сборнике. В таком же почти виде воспроизведен эпизод с возникшим повозки, выданной князем для доставки Феодосия из Киева в монастырь. В целом сюжетно повторяет древнерусский текст и рассказ об утаенных келарем хлебах на праздник св. Димитрия и о чудесном разоблачении ослушания преподобного, как и эпизод с попыткой кражи разбойниками утвари, икон и проч.

Менее детально и со смещением акцентов описан в греческом Житии случай с «боярином Изяслава», пообещавшего пожертвовать монастырю оклад на образ Богородицы, но забывшего об обете, лишь только выжил в жестоком бою. В отличие от русского текста не упоминается ни имени «архонта» (Климент), ни имени князя (Изяслав); и раскаявшийся герой события приносит в дар монастырю святое Евангелие (в русском оригинале вклад был сделан по первоначальному обету).

Рассказы о благословении умиравшим Феодосием на дальнейшее игуменство Стефана и о приходе в обитель, после слуха о кончине преподобного и появлении чудесного свечения, князя Святослава, свергнувшего брата Изяслава, воспроизведены в греческом тексте, но, что характерно, без упоминания имени Святослава. Обстоятельства упокоения Феодосия, его погребения, перенесения затем его мощей, начала игуменства Стефана излагаются скорее в соответствии с текстом Повести временных лет (год 6582/1074).

Заключительная часть греческого Жития не находит соответствия ни в одном из известных русских или греческих текстов: в тексте, писанном другой рукой, сообщается о нахождении в той же обители останков ста десяти

праведников, а также мастеров-строителей собора и художников, расписавших храм монастыря.

Н. Н. Болгов

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (Белгород)

Захария Ритор и его сочинение «Жизнь Севира Антиохийского»

Захария упоминается в источниках как «схоластик», «ритор» или «(епископ) Митилены». «Scholastikos» он именуется в рукописях «Жизни Севира» и «Жизни Исая», а также в рукописях диалога «Аммоний». Напротив, Захария как автор «Церковной истории» регулярно упоминается как «ритор», как и в различных ссылках на него в «Церковной истории» Евагрия (Hist.Eccl. II.2.10; III.5.9). Исходя из предположения, что все три эпитета относятся к одному и тому же человеку, можно построить схему жизни Захарии, более раннюю часть которой в значительной степени основывают на его собственных работах, и, в частности, на информации из «Жизни Севира».

Родился он в Майуме близ Газы, вероятно, во второй половине 60-х гг. V в. и, возможно, был братом Прокопия Газского. Вполне вероятно, что сначала он учился в школе Газы, а затем переехал (в 485 г.) в Александрию для продолжения обучения. Там он посещал лекции Аммония и стал членом группы студентов-христиан – «филопонов».

Во время своего пребывания в Александрии он впервые встретился с Севиром, приехавшим из Писидии и ставшим учиться вместе с Захарией. На этом этапе их знакомство было не особенно близким, поскольку Захария рассказывает, как он был приятно удивлен тем, что Севир вспомнил о нем, когда он прибыл в Бейрут через год после того, как Севир уже начал там юридическое обучение. Но затем между ними завязалась тесная дружба, и Захария всерьез заинтересовал Севира христианством, порекомендовав ему книги для чтения. Севир после крещения вступил в монашескую жизнь, а Захария занялся юридической практикой в Константинополе. Захария снова встретился с Севиром во время длительного визита последнего в столицу в 508–511 гг., и они явно продолжали оставаться в тесном контакте даже после смещения Севира с антиохийской кафедры в 518 г. Когда Юстиниан вступил на престол в 527 г., Захария, очевидно, был схоластиком с определенным положением, выпустившим антимахихейскую книжицу. Когда и как Захария стал епископом Митилены, неизвестно, но можно предположить, что это было в начале 30-х гг. VI в. Захария записан как епископ Митилены, присутствовавший в мае 536 г. на первых четырех сессиях Константинопольского собора. Пятая сессия закончилась осуждением его старого однокурсника Севира. Исход собора был для него тяжелым ударом, как и для любой дальнейшей возможно-